ПОРА НАМ В ОПЕРУ

Экран и сцена.-1991-1 мая
7-
6 страница

МОЖЕТ ли что-нибудь принести покой в наши встревоженные души? Хотя бы на вечер...

В Свердловске непогода. Все замерло. Чего ждать? Какой-то апокалипсис. Все символично. От этого хочется бежать. Но транспорта нет. Нет и хлеба. Зато есть искусство. Отчаянные идеалисты пробиваются сквозь пелену. Подлинная культура старомодна. Она хранит дорогой образ, как последние перчатки. В них она играет **свой** спектакль, несмотря на все гримасы жизни...

В один из российских ненастных вечеров на телевизионном экране вновь раскрылся бордовый занавес с королевским вензелем: лондонский «Ковент-Гарден» приглашал нас в уютный мир доброй, старой Англии. Давали «Фальстафа» Верди.

80-летний композитор вложил в свое последнее творение не только все мастерство, но мудрость и нежность неувядшего сердца. Получив от друга — либреттиста А. Бойто — первые сцены, Верди воскликнул: «Это как волшебный сон!» Он длил очарование долго — сколько мог. Фальстаф был его любимцем. В нем звучат обаятельная полифония жизни, ее мягкая осенняя улыбка.

Фальстаф — последний отблеск Возрождения. Закатный свет уходящего дня. Диковинная птица с выщипанными перьями, не понятно как залетевшая в таверну «Орден Подвязки». Его карнавальное обжорство и пьянство — эхо былого титанизма, так же, как и неистребимая жажда жизни во всех ее проявлениях. Но

Иди, старый Джон

Фальстаф — осколок другой эпохи. Отсюда конфликт. Могучее чрево не может втиснуться в этот упорядоченный, обжитой — **новый** мир. Наступила **другая жизнь**. Она насмешлива и назидательна. Поэтому Фальстаф должен уйти. Но вместе с ним уходит что-то неповторимое, чего будет недоставать не только виндзорским прелестницам, но и всем нам.

Однако что же у нас общего? По всей видимости, только «окопное» положение, отсутствие денег, еды и вина. В остальном же мы очень далеки от его гротескового реализма. Потому что его грубоватые, не без цинизма «снижения» шутки не только отрицают: одновременно они и утверждают, **рождают новое.**

Может быть, поэтому «Фальстаф» отсутствует на наших сценах?

Разумеется, нет. Опера чрезвычайно сложна для постановки, что и доказал лондонский спектакль. Блистательный подбор солистов (Р. Брузон, К. Риччарелли, В. Террани, Б. Хендрикс и др.) под руководством К. М. Джулини виртуозно разрешил труднейшие музыкальные задачи, особенно в изощренных полифонических ансамблях. Но эта дивная легкость разгадывания тайны тормозилась в сценическом действии. Виной тому — режиссура Р. Эйра. Она проста и удобна, как этот новый мир с его обитателями в строгих стильных костюмах.

Поэтому, возможно, прелестная жена Форда — Алиса (К. Риччарелли) так и не смогла «быть бесенком» и вести «всю интригу комедии», а именно этого требовал Верди. Не помог ей и «приглаженный» (но все равно великолепный) Фальстаф — Р. Брузон. Ночная феерия финала, ставшая «школьным» спектаклем в духе ароматных, старых английских традиций, утвердила соразмерность жизни и силу морали. Заодно была купирована и ренессансная агония Фальстафа. Ему действительно ничего не оставалось, как уйти, не высказавшись сполна...

Вместе с этим плутом уходят артистическая бравада и шарм, бродильное начало жизни. Без его куража уют Виндзора станет пресным. Наказанный интриган вносил в жизнь непредсказуемость. Он **творил**. Увлекаясь, он становился вдохновенным. И женщины чувствовали это. Жаль, что не откликались: другое время. В нем прорывалось былое. Праздник жизни, ее карнавальная суть, напряжение игры. Старое, бродящее вино еще хранит тепло породившего его солнца Ренессанса. В его фантазиях и похождениях угасают чудачества и странствия высокого героя **той** эпохи — Дон Кихота. Однако сражение с ветряными мельницами кончилось, и Фальстаф также доигрывает свой спектакль.

Фальстаф волнуется тайной и ждет, несмотря ни на что. Он замечательно верен себе. Но занавес закрывается. Все. Надо уходить, сэр Джон. Не допив, не долюбив. И только весна жизни — любовь юных Наннетты и Фентона — чудесным образом будет хранить в отраженном свете воспоминания о ее осени. Помедли, вечерний день...

Сэр! Разрешите признаться вам в любви. Хотя мое послание не заменит, конечно, любовных писем от Алисы и Мэг, зато оно искреннее. Я знаю, что сказал вам сам маэстро: «Иди, иди, старый Джон — иди своей дорогой, сколько жизнь тебе позволит». В общем, дай бог здоровья! Вы нужны нам всегда. А пока... Выпьем на дорогу. Что вы скажете, сэр Джон?

Михаил МУГИНШТЕЙН.